

На правах рукописи

ФАДЕЕВА ОЛЬГА ПЕТРОВНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ
УКЛАДОВ В РОССИЙСКОМ СЕЛЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 22.00.03 – экономическая социология и демография

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Новосибирск – 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской Академии наук (ИЭОПП СО РАН)

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор
Калугина Земфира Ивановна

Официальные оппоненты:

Нечипоренко Ольга Владимировна, доктор социологических наук. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук, ведущий научный сотрудник.

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской Академии наук, ведущий научный сотрудник.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", Институт прикладных экономических исследований, Центр аграрных исследований.

Защита состоится «1» марта 2013 г. в 14 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 003.001.03 в ИЭОПП СО РАН по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИЭОПП СО РАН.

Автореферат разослан «23» января 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.э.н., доцент

Г.П. Гвоздева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Российские рыночные реформы последних 20 лет (1991-2011 гг.) разрушили колхозно-совхозную систему, основанную на плановом ведении хозяйства и государственном патернализме. Трансформация аграрного сектора сопровождалась драматическим снижением государственной поддержки, возникновением диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и других отраслей, и как следствие – падением объемов производства в сочетании с примитивизацией используемых агротехнологий и сельского образа жизни. Все это способствовало поляризации экономического пространства России и сокращению ареалов традиционной хозяйственной деятельности, привело к заметному распространению бедности и безработицы среди сельского населения, депопуляции сельских территорий и деградации человеческого потенциала. Спонтанной реакцией на отмеченные негативные процессы стало возникновение и развитие многообразных практик хозяйствования и самоорганизации сельских сообществ, способствующих выживанию сельского населения в условиях, когда прежние экономические институты и связанные с ними формы государственного регулирования были разрушены, а новые, соответствующие концепции проводимых социально-экономических реформ, ещё не заработали в полной мере.

В связи с этим *актуальным* представляется исследование процессов разрушения старых и становления новых хозяйственных и социальных практик и соответствующих им устойчивых форм организации сельской жизни, обеспечивающих жизнеспособность сельских сообществ в условиях разнообразных внешних вызовов. Изучение генезиса этих форм, характера их взаимодействия и трансформации позволяет идентифицировать специфические особенности локальных сообществ и применять их для обоснования эффективных направлений дифференцированной государственной политики по отношению к разным сельским территориям.

Объект исследования. Многоукладность социально-экономической жизни российского села.

Предмет исследования. Сельские хозяйственные уклады, рассматриваемые как устойчивые практики экономической деятельности и социальных взаимодействий в локальных сельских сообществах.

Цель исследования состоит в разработке и апробировании авторской концепции формирования и трансформации сельских хозяйственных укладов, оценке их роли в самоорганизации сельских сообществ в условиях аграрных реформ в постсоветской России.

Для достижения цели были поставлены и решены **следующие задачи**.

Теоретико-методологические:

1.1. Представить теоретико-методологическое обоснование экономико-социологического подхода к изучению многоукладных хозяйственных систем.

1.2. Эксплицировать социологическое содержание понятия «сельского

хозяйственного уклада» в рамках институционального и структурно-деятельностного подходов.

1.3. Разработать и обосновать авторский подход к исследованию сельских хозяйственных укладов как совокупности хозяйственных практик.

Методические:

2.1. Сформировать основания для классификации сельских хозяйственных укладов и выделения соответствующих им хозяйственных практик.

2.2. Верифицировать правомерность использования методологий качественного социологического исследования и «двойной рефлексивности» для изучения сельских хозяйственных укладов.

Содержательные:

3.1. Идентифицировать этапы становления и трансформации сельской многоукладности в постсоветской России в период 1991-2011 гг. на основе анализа изменений институциональных условий, государственной политики и экономической конъюнктуры.

3.2. Выявить ключевые характеристики сельских хозяйственных укладов и особенности процессов их трансформации.

3.3. Оценить роль взаимодействия субъектов разных укладов в обеспечении выживаемости и устойчивости локальных хозяйственных систем, а также в самоорганизации сельских сообществ.

3.4. На основе обобщения концепций устойчивого сельского развития обосновать принципы дифференцированного подхода к формированию социально-экономической политики на региональном и местном уровнях управления, обеспечивающего согласование интересов субъектов разных хозяйственных укладов и других представителей сельского сообщества.

Теоретико-методологическая основой исследования являются социологические и экономические концепции, рассматривающие историческое развитие хозяйственных систем и этапы рационализации экономической жизни, множественные способы мотивации, интеграции и координации хозяйственной деятельности, социальной укорененности экономических действий (М.Вебер, К.Поланьи, М.Грановеттер, Дж.Скотт, Л.Тевено, А.Чаянов, Т.Шанин и др.). Особый акцент был сделан на выделении субстантивных (содержательных) и формальных (инструментальных) мотивов хозяйствования в условиях постсоветской России.

Ведущими в работе являются институциональный и структурно-деятельностный подходы (Д.Норт, Дж.Серл, Т.Заславская, М.Шабанова, В.Ядов, А.Аузан, В.Полтерович и др.), концепция социальных практик как «повседневных» форм проявления сложившихся институциональных правил (формальных и неформальных) в реальной жизни, а также их изменений в процессе сопротивления и борьбы разных акторов за влияние и ресурсы (А.Шюц, П.Бурдьё, Н.Флигстин, М. де Серто, Дж.Скотт, Э.Гидденс, В.Волков, О.Хархордин и др.).

Для обоснования понятия «локальной хозяйственной системы» были ис-

пользованы подходы, основанные на выделении локальных территориальных общностей и акцентирующие внимание на целостности и общности социальных и хозяйственных связей в сельских сообществах (Ф.Теннис, Т.Шанин, Г.Айрот, Р.Редфилд, Е.Горяченко, Н.Мосиенко и др.). Применительно к современным реалиям были актуализированы принципы моральной экономики крестьянства (Э.Томпсон, Дж.Скотт), формирующие этику выживания и взаимоподдержки представителей сельского социума и набор приемов минимизации социальных рисков в условиях рыночных преобразований и ослабления системы государственных гарантий.

Была использована индуктивная («восходящая») стратегия получения знаний, означающая, что модели, темы и категории анализа вытекают из данных, а не накладываются на них еще до сбора и анализа, как это происходит в рамках гипотетико-дедуктивной логики (А.Готлиб, П.Штомпка, И.Штейнберг, Е.Ковалев, А.Левинсон и др.). Для изучения социальных практик, составляющих основу сельских хозяйственных укладов, были использованы методы качественной социологии, к которым относятся этнографические (антропологические) исследования, наблюдения, методология «кейс-стади» и др., а также методология «двойной рефлексивности» Т.Шанина (интерактивная стратегия полевой работы).

Степень разработанности проблемы. Исследованию содержания и социально-экономических последствий российских аграрных (в т.ч. земельных) реформ, траекторий развития сельских территорий, процессов свертывания, сохранения и возрождения хозяйственной деятельности, стратегий адаптации сельских предприятий и семей к изменяющимся условиям посвящены работы А.Алпатова, В.Артемова, И.Буздадова, Д.Валигурского, П.Великого, О. и В.Виноградских, О.Виссер, С.Ильюшонка, З.Калугиной, П.Линднер, О.Нечипоренко, Т.Нефедовой, А.Никулина, В.Пациорковского, Г.Родионовой, Е.Серовой, В.Узуна, Н.Шагайды и др. Вместе с тем до сих пор не выработано единого подхода для описания становления и трансформации устойчивых форм организации хозяйственной жизни в пореформенной России в контексте социальных отношений и взаимодействий.

Базовая предпосылка исследования состоит в том, что сосуществование разных форм интеграции хозяйственной деятельности играет существенную роль в обеспечении устойчивости локальных сообществ в условиях радикальных институциональных преобразований и связанных с ними изменений экономической конъюнктуры и приоритетов государственной политики.

Область исследования. Работа выполнена в соответствии с пунктами паспорта специальности ВАК 22.00.03 «Экономическая социология и демография»: 1. Социальные закономерности экономического развития. 2. Социальная эффективность экономических решений. 5. Экономическое поведение.

Эмпирический объект исследования – субъекты хозяйственных укладов, представители власти и органов местного самоуправления, формальные и неформальные лидеры сельских сообществ.

Информационной базой исследования являются данные социологических опросов сотрудников, управляющих и владельцев предприятий, представляющих разные отрасли и формы хозяйствования, членов фермерских и семейных хозяйств, индивидуальных предпринимателей, а также руководителей и специалистов органов власти и местного самоуправления. В основе предлагаемых концептуальных обобщений и интерпретаций лежит 20-летний опыт (1991-2011 гг.) участия автора в проектировании и реализации девяти социологических исследований, в т.ч. в рамках международных проектов «Социальная структура советского села» (1991-1995 гг., фонд ESRS) и «Реальная экономика и реальная политика российских деревень» (1996-1997 гг., ЦЕУ), проекта «Адаптационные стратегии сельскохозяйственных предприятий и семей в условиях нестабильности» (1999-2001 гг., РГНФ), проекта «Сельское предпринимательство и сельские сообщества в условиях транзаций» (2002-2004 гг., РГНФ); проекта «Брошенные деревни в пореформенной России» (2005-2007, РГНФ); проекта «Инновационные процессы в аграрном секторе» (2008-2010, РГНФ); проекта «Белгородские сельские поколения: семейные стратегии, формы занятости, модели потребления» (2011, Фонд Р.Люксембург).

При формировании массива эмпирических данных использовались различные методы: массовые опросы населения, выборочные бюджетные исследования, углубленные интервью, анализ статистической информации. Дополнительным источником информации послужили статистические данные Росстата и Министерства сельского хозяйства России о состоянии агропродовольственного комплекса Российской Федерации, а также законодательные акты и постановления, обеспечивающие проведение реформирования сельского хозяйства и земельной реформы.

НА ЗАЩИТУ ВЫНОСЯТСЯ:

1) Теоретико-методологические основы исследования сельской многоукладности и авторская концепция становления и трансформации сельских хозяйственных укладов в России в период социально экономических преобразований (1991-2011 гг.) в рамках социологического дискурса.

2) Методика социологического исследования сельских хозяйственных укладов на локальном уровне на основе анализа практик экономической деятельности субъектов хозяйствования, связанных со спецификацией прав собственности, способами получения доступа к производственным ресурсам, условиями найма работников и методами стимулирования их труда, формами взаимодействия с субъектами других укладов и представителями сельских сообществ.

3) Результаты обобщения материалов качественных исследований:

а) многоукладность и компромиссный характер взаимодействия представителей разных укладов способствуют повышению устойчивости локальных хозяйственных систем и выживаемости сельских сообществ в период реформирования аграрного сектора;

б) исследование эволюции хозяйственных и социальных практик, происходящих под влиянием институциональных и экономических изменений, позволяет выделять этапы становления и трансформации разных укладов, их развития или деградаций в отдельных локальных системах;

в) социальную укорененность и неформальные связи субъектов хозяйственной деятельности между собой, а также с представителями органов местного самоуправления следует рассматривать как институциональную основу самоорганизации сельских сообществ;

г) важным механизмом согласования частных и защиты общих интересов в локальных сельских сообществах служит воспроизводство традиционных норм общезнания и групповой солидарности, следование принципам «моральной экономики» и социальной ответственности сельского бизнеса.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА полученных результатов состоит в следующем:

1. Разработана авторская концепция сельских хозяйственных укладов в контексте структурно-деятельностного и институционального подходов:

а) с позиции структурно-деятельностного подхода сельский хозяйственный уклад - это устойчивая совокупность хозяйственных практик, которые определяются доминирующими целями (субстантивного или формального характера) и организационными формами (корпоративными или семейно-индивидуальными) экономической деятельности субъектов, действующими правилами распределения базовых ресурсов (труд, земля, капитал) и сложившимися формами взаимодействия с сельскими сообществами.

б) сельский хозяйственный уклад как институт – это правила и нормы хозяйствования, конституирующие хозяйственную деятельность различных акторов в соответствии с их доминирующими целями, спецификацией прав собственности на средства производства, производственно-технологической моделью, системой трудовых отношений, механизмами взаимодействия с субъектами других укладов и сельскими сообществами.

2. В соответствии с предложенными типобразующими признаками (организационные формы и доминирующие цели хозяйствования) выделены четыре типа сельских хозяйственных укладов: корпоративно-патерналистский, корпоративно-предпринимательский, семейно-потребительский и семейно-предпринимательский.

3. Осуществлена эмпирическая идентификация сельских хозяйственных укладов на уровне сельских поселений, которые рассматриваются как локальные хозяйственные системы. Уклад может существовать в рамках отношений, в которые включены, с одной стороны, «хозяйствующие субъекты» (юридические лица и индивидуальные предприниматели – независимо от их организационно-правовых форм) и, с другой стороны, индивиды, выполняющие разные хозяйственные роли в рамках предприятий, организаций или самостоятельно. При этом один и тот же индивид может играть разные роли в разных укладах.

4. В рамках авторской концепции показано, что корпоративно-

патерналистский уклад сложился как результат эволюции коллективных форм хозяйствования советского периода в условиях неэквивалентного обмена между сельским хозяйством и другими отраслями экономики и недостаточной защиты интересов отечественного сельхозпроизводителя. Одним из условий устойчивости существования семейно-потребительского и корпоративно-патерналистского укладов в кризисный период стало формирование «симбиотических» связей, упрощающих обмен ресурсами между ними и обеспечивающих монетизацию натуральных доходов работников сельхозпредприятий. В свою очередь одним из результатов трансформации корпоративно-патерналистского уклада (спецификация прав собственности, формализация трудовых отношений, модернизация технико-технологической базы) стало формирование корпоративно-предпринимательского уклада. Показана ведущая роль земельных отношений в изменении сельских хозяйственных укладов и формировании специфических для каждой локальной системы механизмов согласования интересов субъектов хозяйствования.

5. Показано, что существенное значение для обеспечения устойчивости локальных систем имеет соотношение укладов и интересов субъектов хозяйствования. В этой связи обосновано деление укладов на доминирующие (базовые) и дополняющие. Устойчивость локальной хозяйственной системы, в которой преобладает корпоративно-патерналистский уклад, обеспечивается его взаимодействием с натурально-потребительским и семейно-предпринимательским укладами, компенсирующим нехватку ресурсов и возможностей для получения доходов населения. В локальной хозяйственной системе, где лидирующую роль играет корпоративно-предпринимательский уклад, потребность в дополняющих укладах возникает вследствие масштабного сокращения спроса на труд в высокотехнологичных производствах и появлении особых ниш и сфер деятельности, нерентабельных с точки зрения крупного производства.

6. Обоснованы принципы дифференцированной государственной политики, направленной на поддержку разумного баланса между укладами и недопущения «примитивизации» социальной и хозяйственной жизни за счет чрезмерного доминирования одного уклада.

Научно-практическое значение работы. Результаты, полученные автором в диссертационном исследовании, могут быть использованы при разработке программ развития сельских территорий, для обоснования и корректировки мер диверсификации сельской экономики и развития предпринимательства, а также при разработке программ и чтении учебных курсов по экономической социологии, социологии села.

Апробация и практическое использование результатов работы. Результаты диссертационного исследования нашли отражение в двух монографиях (в соавторстве, собственный вклад диссертанта в данных публикациях составил 24 п.л.) и 48 научных статей объемом свыше 40 п.л. Среди опубликованных работ по тематике диссертационного исследования имеются 9 ста-

тей в журналах, рекомендованных ВАК, в том числе 6 статей в соавторстве (суммарный личный вклад диссертанта 6,7 п.л.).

Результаты исследования докладывались и представлялись автором на отечественных и зарубежных научных мероприятиях (международных, всероссийских и региональных конференциях, социологических конгрессах и др.), в числе которых: международная конференция «Россия многоукладная: многообразие форм жизнедеятельности и самоорганизации российского населения» (Москва, 2009); международный симпозиум «Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии» (Москва, 2010); X Конференция Европейской Социологической Ассоциации на тему «Социальные отношения в турбулентное время» (Женева, Швейцария, 2011); IV Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (Уфа, 2012) и др.

Результаты исследования были апробированы при разработке «Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области до 2025 года» (2006-2007) и концепции целевой программы Новосибирской области «Повышение эффективности сельской экономики и создание условий для сохранения сельского образа жизни» (2008).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав (16 параграфов), заключения и 1 приложения, включает 2 таблицы и 2 рисунка. Объем основной части работы составляет 181 страницу. Список использованной литературы содержит 187 наименований источников.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования; определены объект, предмет, цель и задачи исследования. Представлены основные положения, выносимые на защиту, показана научная новизна и практическая значимость диссертационной работы, приводится информация об информационной базе исследования и апробации результатов работы.

В первой главе «Многоукладность современного российского села как объект социологического исследования (теоретико-методологические основы)» *дается теоретико-методологическое обоснование экономико-социологического подхода к изучению многоукладных хозяйственных систем, представлена авторская концепция исследования сельских хозяйственных укладов и ее верификации на уровне локальных сообществ, обоснована пра-вомерность использования методологии качественной социологии.*

На основе анализа литературы выделены два принципиально различных подхода к определению укладов – системный (структурный) и институциональный (поведенческий). Именно второй подход автор считает более адекватным для целей данного исследования. В работе анализируются социологические и экономические концепции «обоснования многоукладности», в т.ч. выделенные Вебером способы придания «осмысленности» хозяйственным действиям через характер их мотиваций, которые могут видоизменяться от

традиционных до рыночных. На этом основании Вебер и его последователь Поланьи выделяют субстантивный (содержательный) и инструментальный (формальный) мотивы хозяйствования. Субстантивными мотивами руководствуются люди, добывая средства к существованию во взаимодействии с природой и социальным окружением, ориентируясь на значимые нематериальные ценности (лояльность к семье, обществу или святость традиций и верований). Формальная рациональность предполагает максимизацию полезности в условиях дефицита ресурсов, которую можно измерить количественно. Исходя из этого, раскрытие логики хозяйственных действий в рамках разных укладов нужно начинать с определения дифференцирующих мотивов, значений и принципов социальных взаимодействий между разными группами хозяйствующих акторов.

Поланьи предложил аналитическую модель изменения места экономики в жизни общества как переход от содержательных экономических взаимодействий к формальным, но при сохранении содержательных интеграционных форм во всех типах экономических систем, в том числе рыночных. Он выделял три основные формы интеграции хозяйственной деятельности людей: эквивалентность (реципрокность), перераспределение (редистрибуция) и обмен. Формы интеграции конструируют «институциональную среду», позволяющую организовать процесс производства и передачи материальных благ, задают основные принципы и четкие правила обмена, регулирующие транзакции таким образом, чтобы они согласовывались с мотивами, ценностями, традициями и этикой поведения (социальным подтекстом) взаимодействующих сторон, их статусами и ролевыми ожиданиями. В контексте данной работы приложение идей Поланьи происходит через исследование сельских укладов с целью выявления принципов интеграции и координации хозяйственных процессов в зависимости от интересов акторов и возможностей их доступа к ресурсам, экономических и социокультурных ограничений.

В качестве экономических концепций о разнообразии хозяйственных форм и образований, построенных на различных организационных принципах, были проанализированы работы А.Чаянова и других представителей организационно-производственной школы, раскрывших особую природу трудового (т.е. не использующего наемный труд) крестьянского хозяйства и разработавших теорию сельскохозяйственной кооперации. Чаянов поставил вопрос о возможности и характере сосуществования и симбиоза параллельных экономических систем во всемирной истории, развитие которых не сводится исключительно к движению в сторону капиталистического уклада. Чаянову принадлежит теория хозяйственных систем, в том числе некапиталистических, образующих единое мировое хозяйство. В основе различия этих систем лежат разные понятия о выгодности и рентабельности, которые в социологическом контексте можно интерпретировать как разные логики и рациональности хозяйственного действия, а также организационно закреплен-

ные формы, соответствующие оптимальным нормам концентрации производства.

На основе анализа перечисленных концепций в качестве типобразующих признаков сельских хозяйственных укладов были выбраны *цели и организационные формы хозяйствования*.

При разработке институционального подхода к определению сельских хозяйственных укладов автор опирался на концепцию социального механизма общественных процессов, предложенную Т.Заславской, а также на работы, относящиеся к проблематике институционального развития и влияния институтов на поведение и социальные практики индивидов (акторов). Автор использует введенное Д.Нортом понимание института как реальных (формальных и неформальных) правил игры и способов контроля за их соблюдением. Субъекты (организации, «игроки») в целом следуют установленным правилам или же вырабатывают собственные правила взаимодействия, обладая при этом определенной степенью свободы, которая во многом определяется эффективностью институционального контроля. Если «институт» выражает содержание правил, то формой проявления и действий этих правил в реальной жизни являются повседневные «социальные практики» как системы массовых и повторяющихся социальных действий и взаимодействий акторов (индивидов, организаций, групп). Формирование или же трансформация институтов происходит в процессе превращения любых актов поведения в сферу само собой разумеющихся рутинных действий.

Сельские хозяйственные уклады автор определяет как устойчивые совокупности хозяйственных практик, которые характеризуются доминирующими целями (субстантивного или инструментального характера) и организационными формами (корпоративными или семейно-индивидуальными) экономической деятельности субъектов, действующими правилами распределения базовых ресурсов (труд, земля, капитал) и способами взаимодействия с сельскими сообществами.

В соответствии с представленными типобразующими признаками выделяются четыре типа сельских хозяйственных укладов: корпоративно-патерналистский, корпоративно-предпринимательский, семейно-потребительский и семейно-предпринимательский (табл.).

Таблица. Классификация сельских хозяйственных укладов

Формы хозяйствования	Доминирующие цели хозяйствования	
	<i>Субстантивные</i>	<i>Инструментальные</i>
<i>Корпоративные</i>	Корпоративно-патерналистский уклад	Корпоративно-предпринимательский уклад
<i>Индивидуально/семейные</i>	Семейно-потребительский уклад	Семейно (индивидуально)-предпринимательский уклад

Субстантивные цели, не связанные с получением исключительно материальной выгоды, в своей хозяйственной деятельности могут преследовать как семьи и отдельные индивиды, так и предприятия, отличающиеся «патер-

налистским» (покровительственным) отношением к своим работникам. Для таких предприятий характерно сращивание производственных и социальных функций, сохранение избыточной рабочей силы, финансирование объектов жизнеобеспечения поселений. *Инструментальный характер цели* субъекта хозяйствования означает его стремление к максимизации прибыли через сокращение издержек, в т.ч. на рабочую силу, бескомпромиссное использование конкурентных преимуществ ради упрочения положения на рынке. Эти различия в целях определяют разную степень автономности существования и устойчивости укладов в рыночной среде. *Корпоративный признак* указывает на наличие совокупности лиц, объединившихся для достижения общих целей, осуществления совместной деятельности и образующих самостоятельный субъект права — юридическое лицо. *Семейная или индивидуальная экономическая деятельность* может осуществляться без регистрации юридического статуса (ЛПХ), а также официально признаваться в качестве формы предпринимательства без образования юридического лица.

Особое внимание уделяется взаимосвязи хозяйственных укладов и способов самоорганизации сельских сообществ (или локальных территориальных общностей). Последние понимаются как целостные и относительно самостоятельные совокупности объединяемых социальными связями людей, возникающие по поводу определенных условий жизнедеятельности на территории. Согласно Э.Гидденсу, в локальных социальных системах, которые имеют физические (пространственные) границы и исторический (временной) контекст, через анализ повторяющихся ситуативных действий индивидов исследователь может обнаружить структуру, которая регулярно воспроизводит «наборы» правил и ресурсов, существует вне времени и пространства, проявляется в памяти индивидов в виде «отпечатков» социальных практик.

В соответствии с этим эмпирическая идентификация сельских хозяйственных укладов осуществляется на уровне компактных сельских поселений, которые в этом случае рассматриваются как локальные хозяйственные системы, представляющие совокупность реальных и взаимосвязанных между собой субъектов хозяйствования. Каждый из этих субъектов обладает своими специфическими интересами, участвует в распределении и контроле над местными ресурсами, взаимодействует с локальным сообществом и в этом смысле укоренен в социальных отношениях.

Для классификации практик хозяйствования, относящихся к разным укладам, предлагается различать два уровня. На первом уровне рассматриваются индивидуальные практики и их носители – отдельные субъекты укладов. На втором уровне рассматриваются локальные хозяйственные системы, в рамках которых формируются обобщенные (типовые) практики хозяйствования и взаимодействия субъектов разных укладов. Уклад может существовать в рамках отношений, в которые включены, с одной стороны, «хозяйствующие субъекты» (юридические лица и индивидуальные предприниматели – независимо от их организационно-правовых форм) и, с другой стороны,

индивиды, выполняющие разные хозяйственные роли в рамках предприятий, организаций или самостоятельно. Репертуар хозяйственных ролей может включать следующие позиции – владельцы, менеджеры и работники сельскохозяйственных предприятий, относящиеся к разным организационно-правовым формам; главы и члены фермерских и семейных хозяйств; собственники, управляющие и работники несельскохозяйственных предприятий и индивидуальные предприниматели, ведущие хозяйственную деятельность на сельских территориях. При этом один и тот же индивид может играть разные роли в рамках в разных укладах. Немаловажным фактором встраивания одних и тех же индивидов в разные уклады является стремление извлечь выгоду из сосуществования последних.

В работе обосновывается правомерность использования методологий качественного социологического исследования и «двойной рефлексивности» (Т.Шанин) для изучения сельских укладов, представляемых как совокупность хозяйственных практик, а также ставится вопрос об объективности полученных результатов. Исследование повседневных практик – это «отстраненное» изучение неявных правил или коллективных норм, которые затем подвергаются интерпретации. Тем самым исследователь стремится по-новому оценить, понять, проникнуть в логику и суть открывшейся для него реальности. Методология качественного социологического исследования ориентирована на респондента и в немалой степени полагается на точное воспроизведение ситуаций его социальных практик с вычленением его (респондента) объяснительных конструкций мотивов и, возможно, рефлексий относительно логики поступков. Интерактивная стратегия полевой работы позволяет опираться на самые широкие информационные массивы и дополнять их друг другом, обеспечивая надежность полученных результатов.

***Во второй главе** «Постсоветские аграрные реформы и особенности становления многоукладной сельской экономики в современной России» даются интерпретация замысла и характеристика социально-экономических последствий институциональных преобразований, связанных с отменой монополии государственной собственности на землю, акционированием сельскохозяйственных предприятий, созданием условий для развития частных форм хозяйствования и снижением государственной поддержки АПК. Анализируются параметры и эффективность аграрной государственной политики в контексте формирования и трансформации хозяйственных укладов.*

Аграрные преобразования 1990-х гг. были нацелены на повышение социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Однако на практике цели заявленных реформ не были достигнуты в полной мере. В течение 1990-х годов отрасль находилась в глубоком экономическом кризисе. На фоне либерализации внешней торговли произошел существенный (на уровне 40-60%) спад производства основных видов сельскохозяйственной продукции, который не преодолен до сих пор, особенно в сфере животноводства. В результате деградации агротехнологий уменьшилась продуктивность

сельскохозяйственных земель. Усилилась зависимость России от импорта продовольственных товаров, что поставило вопрос о продовольственной безопасности страны. Сформировался устойчивый диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства, с одной стороны, тарифов на энергоносители, цен на продукцию машиностроения и других отраслей, с другой стороны. Это стало причиной сокращения оборотного капитала сельхозпредприятий и привело к драматическому росту доли убыточных сельскохозяйственных организаций (более половины на протяжении 1995-2003 гг.).

Отсутствие внятной государственной политики регулирования агропродовольственного рынка компенсировалось попытками федеральных и региональных властей сохранить производство на предприятиях, утративших платежеспособность. Для формирования продовольственных резервов и поддержания доступных цен на хлеб с середины 1990-х годов региональные власти стали создавать специальные структуры (Продовольственные корпорации, фонды и пр.), которые легализовали практику товарного кредитования сельхозпроизводителей в счет будущего урожая. Однако тарифы на распределяемые ресурсы (прежде всего, ГСМ, посевной материал, запасные части) были завышены в сравнении с ценами свободного рынка. Также использовались меры прямой поддержки преимущественно слабых хозяйств, что приносило скорее социальный, нежели экономический эффект.

Раздача товарных кредитов заведомо неплатежеспособным предприятиям породила ситуацию массового невозврата заемных средств и усугубила кризис неплатежеспособности сельхозпредприятий. Чтобы его преодолеть, государство предприняло несколько попыток финансового оздоровления, однако даже после получения права на реструктуризацию задолженности большинство предприятий не смогли обеспечить погашение долгов и производить текущие расчеты с бюджетом. Все эти меры лишь отсрочили ликвидацию в начале 2000-х годов трети сельскохозяйственных предприятий.

В результате финансовых затруднений сельскохозяйственных организаций их инвестиционная активность все эти годы оставалась на крайне низком уровне. Износ основных видов техники в хозяйствах достиг критического уровня – 65-70%. Ухудшение условий труда, низкая заработная плата в сельском хозяйстве (в 2 раза ниже средней по экономике), длительные задержки с выплатами заработной платы, переход на систему натуроплаты привели к кардинальному снижению трудового потенциала и ухудшению исполнительской дисциплины на предприятиях. Их стали покидать наиболее квалифицированные и дисциплинированные работники.

Другим следствием падения уровня производства и платежеспособности коллективных хозяйств стал рост объемов производства на личных подворьях сельчан благодаря доступу к легальным и нелегальным каналам получения кормов, молодняка, транспортных услуг и других ресурсов для ведения ЛПХ. Именно благодаря такой модели «симбиозного» сосуществования крупных и средних предприятий и мелких семейных хозяйств сектор хозяйств населе-

ния, начиная с 1998 г., вышел на первое место в общей структуре производства продукции сельского хозяйства, опередив технически оснащенных и крупномасштабных производителей по объемам производства молока, мяса и овощей. Однако потребительская направленность и раздробленность семейных подворий, а также ликвидация централизованной системы закупки их продукции обусловили низкий уровень товарности и производительности этого сектора, негативно повлияли на состояние продовольственного комплекса страны в целом.

В условиях многочисленных «проб и ошибок» в период скоропалительных реформ 1990-х годов спонтанно сложилось взаимодействие корпоративно-патерналистского, семейно-предпринимательского и семейно-потребительского укладов, во многом остановившее падение сельскохозяйственного производства и обеспечившее выживание сельского населения, а к началу 2000-х годов создавшее условия для начала этапа модернизации всего аграрного сектора.

Существенным фактором становления многоукладной аграрной экономики стало проведение земельной реформы и последующее изменение практик распределения земли и контроля за её целевым использованием. Проведенная в начале 1990-х годов скоротечная «бумажная» (формальная) приватизации земли и последовавший за ней десятилетний мораторий на куплю-продажу земли сельскохозяйственного назначения привели к появлению огромных площадей не востребованной (до четверти общедолевой земли не имеют номинального собственника) и не используемой в хозяйственном обороте земли (до 20% сельскохозяйственных земель). Основную долю «приватизированных» земель сельхозназначения составили земли, находящиеся в «виртуальной» общей долевой собственности, которые не были физически выделены и сдавались преимущественно в аренду. Основная доля посевных площадей стала обрабатываться сельскохозяйственными предприятиями, лишенными в процессе приватизации юридических прав на землю, в том числе без заключения арендных договоров. Но даже при наличии таких договоров собственники земельных долей не имели возможности влиять на их условия – сроки аренды и ставки оплаты. Значительные транзакционные издержки осуществления спецификации прав земельной собственности (т.е. освидетельствование, межевание границ участков и государственная регистрация) и сегодня тормозят процессы регистрации земельной собственности, что усиливает непрозрачность отношений в этой сфере. Следствием правовых изъянов стали массовые махинации с землей, отторжение части крестьян от прав владения и распоряжения земельными ресурсами, изъятие земли из сельскохозяйственного оборота.

Институциональные преобразования в земельных отношениях во многом определили трансформацию двух выделенных нами корпоративных укладов. Незаконченность и непоследовательность земельной реформы обеспечила живучесть корпоративно-патерналистского уклада. Развитие корпоративно-

предпринимательского уклада в свою очередь усилило необходимость легализации прав земельной собственности и наведения порядка в земельной сфере. Формирование системы регистрации прав земельной собственности в начале 2000-х годов способствовало созданию условий для устойчивой работы сельхозпроизводителей, нацеленных на привлечение инвестиций и повышение доходности бизнеса.

Для преодоления хронических кризисных явлений в сельском хозяйстве с начала 2000-х годов стала формироваться новая аграрная политика, нацеленная на усиление регулирующих функций государства, создание механизмов для финансовой поддержки и создания материально-технической базы для ускоренной модернизации отрасли. В рамках этой политики осуществлялось государственное софинансирование затрат товаропроизводителей на приобретение техники, оборудования и внедрение новых технологий. Другими важными элементами стратегии стала выработка механизмов стабилизации внутренних рынков страны через систему закупочных и товарных интервенций на рынке зерна, а также протекционистские меры для защиты отечественных товаропроизводителей за счет квотирования объемов ввоза импортного продовольствия и повышения ставок импортных пошлин.

В 2006-2007 гг. был реализован Приоритетный национальный проект (ПНП) «Развитие АПК». Проект в целом обеспечил приток инвестиций в отрасль, однако адресное софинансирование программ развития получили преимущественно сильные хозяйства и аграрные регионы, что усилило уже сложившуюся систему неравенств. При этом не были устранены причины ценовых диспропорций на продовольственных рынках, не были введены механизмы страхования производителей в случае неблагоприятного движения цен, строительства инфраструктурных сооружений, роста экспорта сельхозпродукции.

Заметные коррективы в аграрную политику государства внес начавшийся в 2008 году мировой экономический кризис. Активная инвестиционная деятельность сельхозпредприятий и фермерских хозяйств вновь приостановилась, обострилась проблема своевременного погашения ранее взятых кредитов. Государство было вынуждено вводить экстренные меры по реструктуризации задолженностей хозяйств для предотвращения коллапса отрасли. Вступление России в ВТО в 2012 г. привело к отказу от прямых форм поддержки аграрного производства в виде предоставления скидок для предприятий АПК на закупку горюче-смазочных материалов, софинансирования инвестиционных расходов, высоких пошлин на ввоз импортных продуктов питания. В рамках принятой в 2012 г. программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы поддержка доходности сельхозпроизводителей будет осуществляться через выплаты погектарных субсидий, субсидий на 1 литр реализованного товарного молока.

Изменение институциональных условий и параметров государственной

политики в сочетании с растущим спросом на продовольствие способствовали повышению рыночной эффективности аграрного сектора и стали факторами ослабления корпоративно-патерналистского уклада и усиления его прямого конкурента – корпоративно-предпринимательского уклада.

В третьей главе «Характеристики сельских хозяйственных укладов и тенденции их трансформации» на основе обобщения реальных хозяйственных практик выявлены отличительные признаки четырех укладов – корпоративно-патерналистского и корпоративно-предпринимательского; семейно-потребительского и семейно-предпринимательского, условия их становления и изменений, раскрыта их роль в процессе преобразования аграрной экономики.

При переходе от плановой к рыночной модели хозяйствования в российских селах более 10 лет сохранялись предприятия, унаследовавшие черты советских коллективных форм хозяйствования (неделимая собственность на средства производства, низкий уровень специализации, избыток рабочей силы и слабая дифференциация в оплате труда). Подобные практики хозяйствования составили основу *корпоративно-патерналистского уклада*, к отличительным признакам которого относятся следующие:

- «субстантивные» цели хозяйствования, направленные на выживание сельхозпредприятий и их работников, обеспечение автономности их существования;

- номинальный, «размытый» характер прав собственности на имущество сельхозпредприятий, игнорирование прав владельцев земельных долей;

- многопрофильный характер производства, высокий внутренний оборот ресурсов, морально устаревшие и физически изношенные технологические комплексы, препятствующие росту производительности труда;

- хронический дефицит инвестиций на модернизацию материально-технической базы производства, возможность частичной замены изношенной техники только за счет государственных программ поддержки сельского хозяйства;

- покровительственный (патерналистский) принцип отношения к работнику со стороны работодателя, нежесткие требования к профессионализму и исполнительности работника, гарантированное рабочее место в обмен на лояльность и низкий уровень оплаты труда;

- отсутствие у работников стимулов к повышению эффективности труда и отдаче от используемой техники, к обеспечению сохранности имущества предприятия; воздействие работодателя на трудовую дисциплину через мнимые угрозы и наказания («лояльность через компромат»), периодические увольнения с сохранением возможности повторного трудоустройства;

- сочетание формальной и неформальной занятости работников на предприятии и в семейных хозяйствах как механизм стабилизации материального положения сельских домохозяйств, замена системы материального стимулирования легальным и нелегальным (несанкционированным) доступом к ре-

сурсам и продукции предприятий (модели паразитического и паритетного симбиоза) и получение существенной доли доходов семьи от реализации продукции ЛПХ;

- существенная роль государственной поддержки в виде льготных кредитов на пополнение оборотных средств, специальных программ товарного кредитования и финансового оздоровления, различных компенсаций неблагоприятных природно-климатических условий хозяйствования и дотирования нерентабельных видов производства;

- «территориальный патернализм» как воспроизводство советского принципа неразрывности производственных и социальных функций градообразующего предприятия.

Корпоративно-патерналистский уклад способствовал удержанию избыточной трудовой массы в сельских поселениях, предотвратил чрезмерный рост социальной напряженности и сохранил возможности для выживания сельских сообществ. Проводимая в подобных условиях государственная поддержка убыточных предприятий выполняла преимущественно социальную функцию. Но экономические и социальные издержки длительного проявления подобного многоуровневого «патернализма» (государства в отношении предприятий, предприятий – в отношении работников и сельских территорий) оказались весьма велики. К тому же отсутствие на предприятиях реального собственника способствовало безнаказанному расхищению имущества.

С начала 2000-х годов роль данного уклада существенно уменьшилась, хотя отдельные его проявления заметны в тех регионах, где власти поддерживают существование убыточных предприятий. Последствия распада корпоративно-патерналистского уклада проявились в появлении поселений, лишившихся основного работодателя; в изменении состава землепользователей и выводе из оборота больших массивов сельскохозяйственных угодий; в массовом поступлении на рынок еще работающей, но недорогой сельскохозяйственной техники, пригодной для эксплуатации в небольших семейных и фермерских хозяйствах; формировании группы «сельских рантье» из числа владельцев земельных долей, бывших руководителей и главных специалистов.

Основу *корпоративно-предпринимательского уклада* составляют предприятия рыночного типа со специфицированными отношениями собственности, ориентированные на повышение эффективности и продуктивности производства. Это реально реорганизованные бывшие колхозы и совхозы, укрупнившиеся фермерские хозяйства, вновь созданные вертикально-интегрированные структуры (агрохолдинги). Роль корпоративно-предпринимательского уклада стала усиливаться с начала 2000-х годов вследствие финансового кризиса 1998 г., укрепившего конкурентные позиции отечественного производителя, изменений в государственной политике, увеличения объема кредитования аграрного сектора.

Отличительные черты корпоративно-предпринимательского уклада:

- инструментальный мотив хозяйственной деятельности;
- стремление к легализации прав собственности на землю и другие природные ресурсы, нацеленность на их коммерческое использование;
- базирующиеся на современных технологиях устойчивая производственная специализация или вертикальная интеграция бизнеса, объединяющая процессы производства, хранения, переработки и реализации продукции;
- заинтересованность в инновациях и активная инвестиционная политика, позволяющая повысить производительность труда и существенно сократить спрос на труд, ограничить возможность нелегального изъятия ресурсов предприятия;
- активное привлечение заемных средств, участие в федеральных и региональных программах модернизации агропромышленного комплекса;
- оптимизация численности работников, высокие требования к их квалификации и исполнительности, разные формы (в т.ч. неформальные) стимулирования труда и «гуманизация» условий производства, расширенный «социальный пакет»;
- возможность перехода на «вахтовый» или «маятниковый» способ привлечения рабочей силы;
- установление партнерских отношений работодателя с работником и повышение зависимости результатов деятельности предприятия от «человеческого капитала»;
- паритетный характер связей между сельхозпредприятием и семейными хозяйствами работников, который реализуется через а) нейтрализацию влияния ЛПХ на поведение работника с помощью льготного предоставления ресурсов для ведения ЛПХ или же льготной продажи готовой продукции, снимающей потребность в семейном производстве; либо с помощью б) создания кооперационных и интеграционных связей между крупным и мелким (семейным) производствами;
- спонсорское отношение к нуждам сельских поселений и их жителей, обеспечение лояльности сельского сообщества в рамках концепции «социальной ответственности бизнеса», участие в строительстве, ремонте и текущем содержании объектов социальной инфраструктуры как способ привлечения и удержания квалифицированных работников.

Распространение корпоративно-предпринимательского уклада привело к противоречию между принципами экономической эффективности и социальной справедливости и превратилось в угрозу стабильному существованию сельских сообществ. Это проявилось в возрастании сельской безработицы; все большей дифференциации новой высокопрофессиональной прослойки наемных работников от остальных жителей села; «очаговости» сельского развития, усилении территориального неравенства; дополнительной экологической нагрузки на сельские территории; тенденции к монополизации продовольственных рынков; снижении финансовой устойчивости крупных сельхозпредприятий в силу их большой кредиторской задолженности; в отчужде-

нии сельских жителей от земли и других природных ресурсов.

Семейно-потребительский уклад базируется на традиционных семейных формах хозяйствования, общесемейной собственности и разделении труда между членами семьи. Его отличительные характеристики:

- субстантивный мотив хозяйственной деятельности, проявляющийся в удовлетворении потребностей семьи в продуктах и денежных средствах, в том числе в силу ограниченности других финансовых источников семейных бюджетов;
- коллективный характер собственности на средства производства;
- многопрофильность и универсальность производства, применение ручного и слабомеханизированного труда;
- слабое использование наемного труда, высокая самоэксплуатация членов семьи при отсутствии иных альтернатив занятости;
- высокий уровень устойчивости производства в сочетании с низким уровнем его рентабельности;
- рациональное, ответственное отношение членов семьи к животным, растениям и другим природным объектам, ориентация на продукцию домашнего качества, обеспечиваемого экологически чистым производством;
- неденежные способы привлечения ресурсов для ведения семейного хозяйства, включенность в ресурсные обмены с другими укладами через отношения занятости, аренду земли, социальные и родственные связи;
- ограниченные возможности внешних заимствований и участия в государственных программах поддержки.

Границы семейно-потребительского уклада достаточно подвижны. В 1990-х гг. семейно-потребительский уклад стал буфером для перераспределения рабочей силы в условиях трудоизбыточного и депрессивного сельского рынка труда. В 2000-е годы, когда корпоративно-патерналистский уклад стал терять свои прежние позиции и в массовом порядке стали появляться села без крупного работодателя, жизнеспособные семейные хозяйства сдерживали процесс депопуляции сельской местности. Усиление позиций корпоративно-предпринимательского уклада ослабляет ресурсный потенциал семейных хозяйств из-за ограничения доступа работникам к «корпоративным» ресурсам, изменения земельных отношений и передела земельной собственности, запрета на некоторые виды производства по санитарным требованиям.

Семейно-индивидуальный предпринимательский уклад неоднороден. Он основан на предпринимательской деятельности индивида, с возможным участием членов его семьи и при необходимости – с привлечением наемного труда. Субъект хозяйствования может действовать легально и иметь юридический статус или же вести хозяйственную деятельность неформально, нерегулярно как дополнение к основным формам занятости. В рамках данного уклада могут сосуществовать предприниматели, предлагающие узкоспециализированные виды услуг, с одной стороны, и те, кто готов браться за любую случайную подработку, с другой стороны.

Отличительные признаки семейно-предпринимательского уклада:

- инструментальный мотив хозяйствования, направленный на стабилизацию или максимизацию денежного дохода индивида и/или его семьи, в том числе через создание дополнительных источников заработка;

- специфицированные права собственности у физических лиц, возможность ведения бизнеса без образования юридического лица (в т.ч. намеренный отказ от легализации хозяйственной деятельности);

- неустойчивая производственная специализация, акцент на многопрофильное производство или предложение комплекса разных услуг как фактор снижения рыночных рисков;

- предельная осторожность ведения бизнеса, автономность хозяйствования без внешних заимствований и привлечения большого количества наемных работников;

- совмещение функций собственника и работника, неформальное трудовое кооперирование в рамках социальных (родственных, дружеских) связей, «сетевой» принцип привлечения финансовых и других ресурсов;

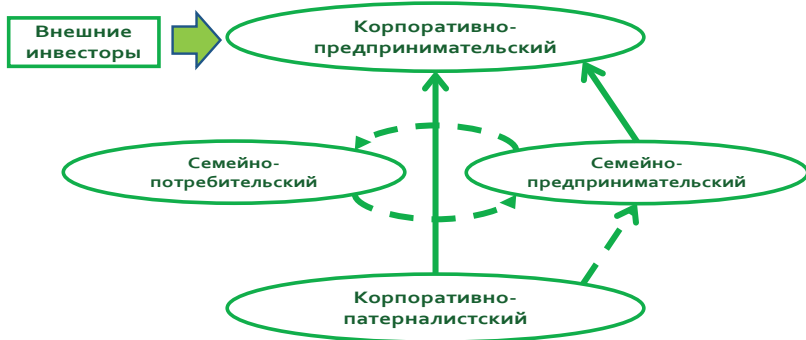
- ориентация на построение клиенто-ориентированного бизнеса и адресное обслуживание, возможность применения гибких расчетных схем.

Катализатором масштабного роста самозанятости и индивидуального предпринимательства (в том числе неформального) на селе стали не только общие институциональные изменения, но и процессы реформирования аграрного сектора, вытеснившие массу людей из сферы стабильных трудовых отношений, наполнившие рынок доступными техническими средствами, создавшие ниши для предложения частных услуг. Множественные и гибкие формы малого бизнеса способны предложить локальным потребительским рынкам небольшие партии местного продовольствия и другие «эксклюзивные» товары и услуги, которые не производят крупномасштабные предприятия с массовым производством и унифицированным ассортиментом, обеспечить диверсификацию сельской экономики, сформировать новый имидж сельской территории.

Как правило, конкретная локальная хозяйственной системы характеризуется комбинацией доминирующего (базового) уклада и дополняющих его укладов. В роли доминирующего уклада чаще всего оказывается один из корпоративных укладов, в роли дополняющих – семейные уклады. Сочетание разных укладов и их взаимодействие во многом определяют степень устойчивости и перспективы развития отдельной локальной хозяйственной системы. Взаимосвязь разных хозяйственных укладов показана на рисунке.

***В четвертой главе** «Обеспечение устойчивого развития сельских сообществ в условиях многоукладности» исследуются цели и механизмы государственной поддержки сельских территорий, реальные практики самоорганизации сельских сообществ, деятельность представителей органов местного самоуправления в качестве посредников при согласовании интересов субъектов разных хозяйственных укладов, способы интеграции местных*

ресурсов. Рассматривается опыт Новосибирской и Белгородской областей по формированию и реализации программ сельского развития, опирающихся на многоукладность и диверсификацию сельской экономики.

2

Рис. Взаимосвязь сельских хозяйственных укладов

Особый акцент сделан на рассмотрении социокультурных факторов устойчивости сельских сообществ и сложившихся правил экономического сотрудничества и конкуренции субъектов разных хозяйственных укладов (прежде всего, реорганизованных колхозов и совхозов и вновь образованных фермерских хозяйств) за землю, рабочую силу, производственную инфраструктуру, бюджетные инвестиции и субсидии. Характер (партнерский или враждебный) этих взаимодействий во многом определялся особенностями раздела коллективного имущества при выделении фермерских хозяйств, методами конкуренции работодателей на рынке труда, возможностями получения легального или нелегального доступа к ресурсам сельхозпредприятий.

Интересы разных субъектов хозяйствования, соседствующих на одной территории, наиболее остро проявляются в борьбе землепользователей за аренду земли. Инструментами конкуренции являются как условия арендных договоров, так и дополнительные услуги, оказываемые собственникам земельных долей в виде хозяйственно-бытовой помощи. Существенное значение при этом имеют также практики определения места размещения и качество земельных участков, выделяемых под взятые в аренду доли. В условиях конкуренции система земельных отношений, связывающая мелкого землевладельца с арендатором, способствует сближению интересов сельских жителей (и в их лице – семейно-потребительского уклада) с сельхозпроизводителями, а также стимулирует местный бизнес к социально ответственному поведению.

Соперничество субъектов хозяйствования за землю, как правило, не приводило к земельным переделам в тех сообществах, где действовали традици-

онные нормы общезнания и внутренней солидарности, обязывающие соперников идти на компромиссы даже в ущерб собственным интересам. Следование моральным принципам способствовало сохранению небольших, средних и крупных хозяйств. Неформальные договоренности между землепользователями страховали сельскохозяйственный бизнес от рисков разорения и были способом защиты интересов арендаторов в условиях практически полного отсутствия государственного регулирования земельных отношений в 1990-х годах. Последующее введение принципа регистрации долгосрочных сделок только с юридически оформленной недвижимостью подхлестнуло процесс «физического» выделения земельных долей и формирования на их основе земельных участков, главными инициаторами которого выступили их арендаторы – сельхозпредприятия и фермерские хозяйства. Это ускорило процесс легализации земельных отношений.

Нормы «моральной экономики», как правило, игнорируются крупными компаниями-инвесторами, не укорененными в локальной хозяйственной системе. В регионах с высоким спросом на землю для установления контроля над пахотными угодьями крупный капитал готов использовать самые разные, в т.ч. противозаконные методы. По мере углубления процесса хозяйственного освоения природных ресурсов и культурного ландшафта сельской местности конфликты в отношениях между крупными производителями и сельским населением обостряются. В этих условиях местным и региональным властям важно обеспечить реализацию существующих и разработку новых защитных механизмов интересов сельского населения, препятствующих его масштабному отчуждению от привычной природной среды.

Важным ресурсом самоорганизации сельских сообществ является накопленный социальный капитал и сложившиеся условия для его воспроизводства, а также социальная «корректирующая» политика, проводимая органами самоуправления. На базе конкретных примеров показано, что выживание села после ликвидации базового сельхозпредприятия по инициативе лидера села (главы администрации муниципального образования или же неформального старосты) во многом обеспечивалось формированием автономной системы жизнеобеспечения, включая муниципальную техническую базу, созданием новых экономических ниш, неформальной кооперацией владельцев сельхозтехники, семейных хозяйств и заготовителей. В селах, где производство сохранилось, главы сельских администраций, как правило, брали на себя функции третейских судей в трудовых конфликтах, отстаивали интересы дольщиков перед арендаторами, способствовали включению местных предпринимателей в федеральные и региональные программы поддержки бизнеса, привлекали руководителей предприятий, глав фермерских хозяйств и сельских предпринимателей к участию в благотворительных акциях и к поддержке местных инициатив.

Наблюдаемые автором практики самоорганизации сельской жизни являются результатом спонтанного противостояния локальных сообществ драма-

тическим внешним изменениям. При крайне скудных материальных ресурсах они опираются на сохранившиеся моральные ценности и коллективистские традиции. Однако проявления внутрисельской солидарности наблюдаются далеко не везде. В ряде сел и поселков в результате реформ усилилось взаимное недоверие людей, распространилось безразличие к вопиющим проявлениям «человеческой» деградации – утрате трудовой мотивации, массовой алкогольной и наркотической зависимости, разрушению традиционного патерналистского отношения к детям и старикам.

Государственная политика в отношении сельских территорий должна не только включать меры, направленные на стимулирование и диверсификацию экономической деятельности, но и поддерживать механизмы социальной самоорганизации с учетом фактически сложившихся уникальных соотношений между разными хозяйственными укладами. В качестве примера успешной реализации модели сельского развития описывается опыт Белгородской области, где благодаря инициативе региональных властей были созданы условия для формирования многоукладной сельской экономики, усилилась роль экологического и органического земледелия, сформировались новые каналы сбыта сельхозпродукции с целью установления справедливого соотношения цен производителей, переработчиков и продавцов, были установлены стандарты сельского социального кластера.

С начала 2000-х гг. в аграрном секторе Белгородской области доминировал корпоративно-предпринимательский уклад, представленный сверхкрупными вертикально интегрированными агрохолдингами, активно использующими преимущества концентрации земли, труда и капитала в сочетании с «индустриальными» технологиями. Закреплению за агрохолдингами лидирующих позиций предшествовала масштабная акция приобретения земельных долей у крестьян специально созданным областным фондом. Перешедшие в собственность области более 40% пахотных земель стали серьезным рычагом политического контроля за процессом землеустройства и землепользования, способом защиты социально-экономических приоритетов региона, инструментом стратегических проектов. Для борьбы с сельской безработицей был разработан специальный комплекс программ «Семейные фермы Белогорья», другие проекты поддержки малого и среднего бизнеса и развития кооперации. На уровне отдельных районов и поселений сложилась система участия бизнеса в управлении развитием сельских территорий, которая направляется и стимулируется «властной вертикалью», а поддерживается - повседневными деловыми и личными отношениями между представителями органов местного самоуправления и предпринимательским сообществом.

Автор выделил следующие элементы белгородской модели сельского развития:

- управляемая трансформация советской модели сельского хозяйства при предоставлении административных и экономических преференций вертикально-интегрированным структурам;

- осознание социальных, экологических, финансовых рисков и угроз агрохолдингового доминирования (монополизации), разработка и реализация защитных механизмов, среди которых можно назвать формирование областного земельного фонда, принуждение землепользователей к биологическим и экологическим принципам земледелия и природоохранной деятельности; стимулирование социально ответственного поведения бизнеса;

- конструирование сбалансированной модели многоукладной экономики с помощью разработки специальных областных программ развития для каждого хозяйственного уклада;

- создание условий для эффективного взаимодействия представителей разных укладов, сетевых (кооперативных) производственных сообществ, экономических и социальных кластеров, использующих потенциал разных форм хозяйствования.

В заключении сформулированы основные теоретические результаты и практические выводы исследования. В частности, выделены следующие основные этапы преобразований многоукладной сельской экономики:

а) трансформация под влиянием «реформ сверху» (1991-1997 гг.);

б) трансформация на основе антикризисного управления и последующей реструктуризации аграрного сектора (1998-2005 гг.);

в) трансформация как результат «точечной модернизации» за счет государственной поддержки отдельных регионов и крупных предприятий (с 2006 г.).

Анализ становления и развития многоукладных хозяйственных систем в разных регионах России позволил выявить их особую социальную «миссию», суть которой состоит в том, что многообразие реальных практик и механизмов согласования интересов субъектов хозяйствования, относящихся к разным укладам, способствует формированию и укоренению институтов самоорганизации и самоуправления в сельских сообществах.

Основные результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

Монографии и главы в монографиях

1. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009. (в соавторстве с З.И.Калугиной) (личный вклад диссертанта 15 п.л.)

2. Les univers ruraux en marge de la croissance // La Russie contemporaine / sous la direction de G. Favarel-Garrigues, K. Rousselet. Paris : Fayard, 2010. Ch. XIX. P.265-280 (1 п.л.)

3. Социальный капитал сибирского села // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы /отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. Гл. 24. С. 511-533 (1,5 п.л.)

4. Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы /отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новоси-

бирск: Наука. Сиб. отд-е, 2003. Гл. 12. С. 222-252 (2 п.л.)

5. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. 592 с. (личный вклад диссертанта 9 п.л.)

6. Хозяйственные стратегии сельских семей // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1999. Гл. 20. С. 426-447 (1,5 п.л.)

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

7. Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области) // Регион: экономика и социология. 2012. № 4. С. 139-160 (1,2 п.л.)

8. Новая парадигма сельского развития // Мир России. Социология, этнология. 2009. Т. XVIII. № 2. С. 34-49. (в соавторстве с З.И. Калугиной) (личный вклад 0,5 п.л.)

9. Инновационные процессы в аграрной сфере // ЭКО. 2008. № 10. С. 66-79. (в соавторстве с З.И. Калугиной) (личный вклад 0,5 п.л.)

10. Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 64-69 (0,8 п.л.)

11. "Hard luck story" брошенных деревень (социологический очерк) // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 79-96 (в соавторстве с З.И. Калугиной) (0,7 п.л.)

12. Контур будущего сибирской деревни // Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 141-158 (в соавторстве с З.И. Калугиной) (личный вклад 0,7 п.л.)

13. Перспективы "неперспективных" сельских поселений (сибирские вариации) // ЭКО. 2005. № 7. С. 145-159 (в соавторстве с З.И. Калугиной) (0,6 п.л.)

14. Сельские сообщества в условиях многоукладности: проблемы взаимодействия и согласования интересов // ЭКО. 2004. № 10. С. 124-143 (в соавторстве с З.И. Калугиной, Дж. Франкс, И.А. Давыдовой) (личный вклад 0,5 п.л.)

15. Сельские предприниматели в местном сообществе // Регион: экономика и социология. 2003. № 3. С. 140-162 (1,2 п.л.)

Работы, опубликованные в иных изданиях

16. Трансформация хозяйственных укладов и потенциал самоорганизации сельских сообществ // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. М.: Дело, 2012. С. 15-43 (1,5 п.л.)

17. Земельный вопрос на селе: наступит ли "момент истины"? // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 5. С. 50-71 (1,3 п.л.)

18. Следы общинности в сельских сообществах современной России // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии. М.: Новое лит. обозрение, 2011. Т. XVII. С. 203-217 (0,9 п.л.)